

АНТИЧНЫЙ
МИР

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

М.Б.
Елисеев

Античный мир

Михаил Елисеев

Вторая Пуническая война

«ВЕЧЕ»

2018

Елисеев М. Б.

Вторая Пуническая война / М. Б. Елисеев — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-8026-3

Исход Второй Пунической войны навсегда изменил Античный мир, а значит, и пути развития нашей цивилизации. Этот конфликт интересен тем, что впервые боевые действия развернулись одновременно на нескольких фронтах, на огромной территории – в Италии, Испании и на Сицилии. На поле сражения сошлись два лучших полководца эпохи – карфагенянин Ганнибал и римлянин Сципион Африканский. Но о них написано немало книг. В данной работе представлены военные биографии других полководцев Второй Пунической войны: неоднозначного военачальника Гая Фламиния, чей образ римские историки изрядно очернили, Марка Клавдия Марцелла, который взятием Сиракуз ликвидировал фронт на Сицилии, и Гасдрубала, незаслуженно оказавшегося в тени его старшего брата – Ганнибала.

ISBN 978-5-4484-8026-3

© Елисеев М. Б., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Предисловие	5
Краткий обзор источников	7
I. Гай Фламиний. Солдат Рима	11
1. Войны с галлами и битва при Теламоне	11
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Михаил Елисеев

Вторая Пуническая война

Предисловие

В античном мире было несколько военных конфликтов, оказавших самое непосредственное влияние на дальнейшее развитие человеческой цивилизации. Это, прежде всего, Греко-персидские войны, походы Александра Македонского, Вторая Пуническая война и большие римские завоевания в Восточном Средиземноморье во II веке до н. э. Если хотя бы одна из этих войн закончилась иначе, то и мир сегодня был бы другим.

Вторая Пуническая война несколько выделяется на фоне вышеперечисленных военных противостояний в силу ряда особенностей. Это связано, прежде всего, с чисто стратегическим аспектом проблемы. Дело в том, что впервые боевые действия одновременно развернулись сразу же на нескольких фронтах, значительно удаленных друг от друга, и велись на огромной территории – в Италии, Испании, на Сицилии и Сардинии. События в далекой Иберии были непосредственным образом связаны с боевыми действиями противоборствующих армий в Италии. На этот факт обратил внимание Полибий: *«Между тем нет человека столь несведущего, который бы не знал, что тогда же совершались многочисленнейшие и знаменательнейшие события в Иберии и Ливии, а равно в Сицилии и Италии, что самая значительная и продолжительная война, за исключением Сицилийской, была Ганнибалова и что все мы в тревоге за исход этой важной войны вынуждены были останавливать на ней взоры наши»* (V, 33). Во Вторую Пуническую войну Карфаген, или, как его называли финикийцы, Картхадашт, вступил мировой сверхдержавой, а закончил это противостояние с Римом в роли регионального государства, не имеющего права вести самостоятельную внешнюю политику.

Я не случайно построил данную работу как военные биографии полководцев Второй Пунической войны. Писать очередную биографию Ганнибала неактуально, поскольку их и так уже вышло очень много и ничего нового по этой теме не скажешь. А повторяться желания нет. То же самое относится и к общему обзору военных действий, где всё банально и предсказуемо. Мне же хотелось сделать акцент на тех моментах противостояния, которые оказались в тени триумфа Ганнибала при Каннах и Сципиона при Заме. Это, прежде всего, относится к битве при Метавре. Именно разгром армии Гасдрубала имел решающее значение для дальнейшего хода войны, после него чаша весов окончательно склонилась в пользу Римской республики.

Поэтому я решил обратиться к фигуре Гая Клавдия Нерона, являвшегося главным творцом победы римлян в сражении при Метавре. Нерон незаслуженно оказался в тени Сципиона и того же Марцелла, хотя его победа имела колоссальное значение для окончательного торжества Рима. При Метавре Нерон спас Италию, при Заме Сципион навсегда сокрушил мощь Карфагена. Но проблема заключалась в том, что о Нероне сохранилось очень мало сведений в трудах античных авторов. Поэтому вся информация об этом выдающемся человеке, которую мне удалось найти в письменных источниках, вошла в биографию Гасдрубала Баркида. Это тоже очень любопытная фигура. Гасдрубал волею судьбы оказался в тени старшего брата, но те же римляне высоко ценили его как полководца, о чем свидетельствуют историки античности, рассказывающие о втором походе карфагенян в Италию. В течение многих лет Гасдрубал удерживал Испанию, не давая римлянам закрепиться на Иберийском полуострове, а прорыв его армии в Северную Италию едва не привел к перелому во Второй Пунической войне. В битве при Бекуле, где сошлись армии Гасдрубала Баркида и Сципиона Африканского, тоже было не всё так однозначно, как это иногда пытаются представить.

Марк Клавдий Марцелл был интересен в том смысле, что с его именем связана знаменитая осада Сиракуз. Её я рассматривал как противостояние эллинов запада римской агрессии, в контексте войны республики с Карфагеном за Сицилию. Также хотелось разобрать вопрос о противостоянии Марцелла и Ганнибала на поле боя и понять, насколько правдива информация римских писателей о том, что Марк Клавдий побеждал в битвах карфагенского полководца.

Не меньший интерес вызывает и Гай Фламиний. Бытует мнение, что римские историки в угоду политической конъюнктуре и личным симпатиям сознательно очернили образ этого военного и политического деятеля. Не пожалели черной краски при описании его дел. Но такой подход к делу вызывает определенные сомнения, поскольку не просто так римский народ в тяжелый для государства час призвал именно Гая Фламиния встать во главе легионов. Да, он был личностью неоднозначной и противоречивой, но не был и тем ничтожеством, каким его иногда изображают в популярной литературе.

Ещё один момент.

Битва при Каннах не имела тех решительных последствий, к каким могла привести, и способствовала лишь тому, что война затянулась на многие годы. По меткому выражению И.Ш. Шифмана, это была «*бесполезная победа*», поскольку Ганнибал её плодами не воспользовался и упустил единственный реальный шанс закончить противоборство с Римской республикой в свою пользу. Как это ни покажется парадоксальным, но судьба Второй Пунической войны решилась не в Италии, а в Испании и на Сицилии. До тех пор, пока эти регионы не были завоеваны римлянами, ни о какой высадке легионов на африканском побережье речи не было. Но как только армии Карфагена были разгромлены на Иберийском полуострове, а Сицилия вновь перешла под власть Рима, вопрос о вторжении в Африку встал в сенате на повестку дня. И даже присутствие Ганнибала в Италии не помешало римлянам перенести войну на вражескую территорию. Поэтому в данной работе главное внимание я уделю военным кампаниям в Испании и на острове Сицилия.

Другой причиной, по которой я обратился именно к биографиям Марцелла и Гасдрубала Баркида, было желание систематизировать описание боевых действий по региональному принципу. Практически во всех работах, посвященных Второй Пунической войне, рассказ о кампании в Италии периодически прерывался повествованием об операциях в Сицилии и Иберии или наоборот, что имело как свои плюсы, так и свои минусы. Биография Марка Клавдия Марцелла – это связный рассказ о борьбе за Сицилию и легендарной осаде Сиракуз. История жизни Гасдрубала Баркида является описанием борьбы за Иберию и отчаянного прорыва карфагенской армии в Италию, завершившегося битвой при Метавре. После этой битвы исход Второй Пунической войны был предрешен.

Краткий обзор источников

Вторая Пуническая, или Ганнибалова, война очень хорошо освещена в письменных источниках, в частности у Полибия, Тита Ливия и Аппиана. Информация о ней содержится в трудах Полиэна, Фронтин, Аннея Флора и «Бревиарии» Евтропия, а также в биографиях Фабия Максима и Марка Клавдия Марцелла, написанных Плутархом.

Наиболее полно Вторая Пуническая война представлена в «Истории Рима от основания города» Тита Ливия, ей посвящена вся 3-я декада (книги с 21-й по 31-ю), охватывающая период от 218 г. до н. э. и заканчивающаяся 201 г. до н. э., от вторжения Ганнибала в Италию и до капитуляции Карфагена. Если говорить о том, какие источники использовал Ливий, то он определенно пользовался «Всеобщей историей» Полибия и трудами младших анналистов¹. Но при этом писатель имел доступ в государственные архивы Римской империи, где мог ознакомиться с документами той далекой эпохи.

Тит Ливий прекрасно владеет слогом: как и в произведениях младших анналистов, в его труде очень заметно влияние риторики. Герои Ливия произносят придуманные им по всем правилам ораторского искусства речи в любой жизненной ситуации, даже на поле боя. Пафоса много, а толку мало. Также автор «Истории Рима» очень любит показать всю смелость своих героических сограждан и по возможности сгладить размеры римских неудач. Хотя, надо отдать ему должное, начальный период войны, ознаменовавшийся чередой катастрофических поражений римской армии, Ливий описал мастерски и довольно объективно. Тем не менее к сведениям, которые сообщает Тит Ливий, необходимо относиться с осторожностью и по возможности сопоставлять с другими источниками. Но именно труд ученого римлянина остается нашим главным источником по истории Второй Пунической войны, поскольку вся 3-я декада сохранилась полностью, чего не скажешь о «Всеобщей истории» Полибия (около 210–126 г. до н. э.).

Историк был родом из греческого города Мегалополя в Аркадии и принадлежал к элите греческого общества, занимая должность начальника конницы в Ахейском союзе. В 167 г. до н. э. в числе тысячи заложников он был отправлен в Италию, где прожил 17 лет и подружился со Сципионом Эмилианом, будущим разрушителем Карфагена. Это дало Полибию возможность хорошо познакомиться с государственным устройством римлян.

Труд греческого историка охватывал период с 264 по 145 гг. до н. э. и состоял из 40 книг, но до нашего времени в полной сохранности дошли только первые пять. Из них Второй Пунической войне целиком посвящена III книга, охватывается период от вторжения Ганнибала в Италию до битвы при Каннах и отпадения от Рима Южной Италии. В уцелевших фрагментах книг сохранилось описание боевых действий в Сицилии, Италии, Испании и Северной Африке. Полибий подробно рассказывает о борьбе Ганнибала с римскими полководцами за Капую, осаде Сиракуз, решающих битвах при Метавре и Заме. Историк был вхож в дом Сципионов, и поэтому можно говорить о том, что многие сведения он получил практически из первых рук. Другое дело, в каком виде они ему подавались, поскольку семейные предания вряд ли отличались объективностью. Но, с другой стороны, именно этот факт придает рассказу Полибия о Второй Пунической войне тот неповторимый колорит эпохи, который отсутствует у других историков.

Также ценность работы Полибия заключается в том, что бывший начальник конницы Ахейского союза обладал обширными познаниями в военном деле и хорошо знал то, о чём

---

¹ Анналисты – римские историки III–I вв. до н. э. Младшие анналисты жили в первой половине I в. до н. э. Их исторические работы больше напоминали литературные произведения, поскольку анналисты злоупотребляли риторическими изысканиями, занимались откровенной фальсификацией исторических фактов с целью прославления Рима. Все эти недостатки присутствуют и в труде Тита Ливия.

рассказывал читателям. Это принципиальный момент. В отличие от Тита Ливия, который был сугубо кабинетным ученым и часто не понимал того, о чем писал, Полибий был практиком. У греческого историка при описании сражений отсутствуют различные нелепости, которыми столь часто грешил его римский коллега. Во «Всеобщей истории» Полибий приводит подлинные документы, письма, официальные надписи и договоры (в частности, договор между Карфагеном и Македонией). Несмотря на дружбу со Сципионом Эмилианом, вряд ли сосланный в Италию эллин мог свободно работать в государственном архиве республики, где хранились важнейшие документы. При этом с некоторыми актами, например, договорами и постановлениями сената, он всё же мог ознакомиться. Другое дело – Эллада и Македония, где перед Полибием были раскрыты двери всех правительственных учреждений. Этот момент тоже необходимо учитывать.

Общеизвестна проримская позиция Полибия как историка. Особенно это бросается в глаза, когда он рассказывает о завоевании римлянами Иллирии, Македонии и Греции. На эту особенность творчества Полибия обратил внимание Ф.Г. Мищенко, автор перевода «Всеобщей истории» на русский язык: *«В высокой степени знаменательно, что историк, кровный эллин по происхождению, языку и образованию, боровшийся и претерпевший за независимость родины, ставит себе задачею написать такую историю своего времени и ближайшего предшественника, в которой решительно преобладающая речь отводится варварскому Риму»*².

Парадокс заключается в том, что в главах, посвященных Пуническим войнам, проримские симпатии автора чувствуются значительно меньше, чем в главах, где рассказывается о событиях на Балканах. Будучи эллином, историк близко к сердцу воспринимал всё, что касалось взаимоотношений между Римом и Элладой, а до Карфагена ему, по большому счету, не было никакого дела, что позволяло в определенной степени сохранять некую беспристрастность, хотя и удавалось это далеко не всегда: *«Тогдашний историк, принадлежа по происхождению и личным связям к известной общественной группе, участвуя непосредственно в политических событиях своего времени, оказывался бессильным, при всем желании быть правдивым и беспристрастным, отрешиться вполне от некоторых предубеждений или предрасположений в оценке наблюдаемых явлений»*³.

Полибий предпочитает излагать конкретные факты, а не занимается пересказом различных баек и слухов. Недаром Ливий активно использовал труд Полибия при написании «Истории Рима» и считал его *«писателем, которым нельзя пренебречь»* (XXX, 45). В дальнейшем римский историк назовет уроженца Мегалополя *«писателем, который надёжен во всём, что касается римской истории вообще и в особенности тех событий, которые развёртывались в Греции»* (XXXIII, 10). Несомненно, что Полибий был гораздо лучше осведомлен о положении дел в Элладе, чем в Италии. Историк был лично знаком с участниками событий Второй Македонской войны и последовавшего за ней «освобождения» Греции от македонского господства. Сам Полибий принимал активное участие в третьей войне между Римом и Македонией и поэтому рассказывал о ней именно как очевидец. Стоит заметить, что впоследствии он принял участие в осаде Карфагена и стал свидетелем гибели великого города. Но это была уже Третья Пуническая война.

Третьим нашим важнейшим источником по истории Второй Пунической войны является «Римская история» Аппиана. В отличие от Полибия и Тита Ливия, Аппиан построил свой труд не в хронологическом порядке. Его произведение охватывало период от царских времён до современной Аппиану эпохи (II в. н. э.) и было построено по этническому принципу. Историк описывает историю различных территорий вплоть до их присоединения к Риму, причем в том порядке, в каком они попали под его власть. Из 24 книг до нас дошли целиком VI–VIII

² Мищенко Ф.Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. С. 36.

³ Мищенко Ф.Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. С. 36.

и XII–XVII, от некоторых сохранились небольшие, а порой и довольно значительные фрагменты. Несмотря на добротность работы Аппиана, приводимые им факты иногда расходятся с данными других историков, поскольку он неточен с именами, датами, последовательностью событий и географическими названиями. Сведения, которые сообщает Аппиан, необходимо сопоставлять с известиями других античных авторов, но при этом в «Римской истории» есть информация, которая отсутствует как у Полибия, так и у Тита Ливия.

Второй Пунической войне Аппиан уделяет большое внимание. Это книга VI о войнах римлян в Иберии, книга VII под названием «Война с Ганнибалом» и книга VIII «О событиях в Ливии». «Война с Ганнибалом» посвящена итальянской кампании великого полководца, в ней рассматриваются события от перехода через Альпы до отплытия карфагенской армии в Африку. Книга об испанских войнах охватывает период от прибытия Гамилькара Барки в Иберию до взятия Нуманции Сципионом Эмилианом. Значительное место в этой книге Аппиан уделяет событиям Второй Пунической войны. По аналогичному принципу построена книга «О событиях в Ливии», повествование в ней начинается с основания Карфагена финикийцами и заканчивается гибелью города. Тем не менее основная часть этого раздела посвящена боевым действиям в Северной Африке во время второй войны между Римом и Карфагеном.

Это наши основные источники по истории Второй Пунической войны.

Плутарх, автор «Сравнительных жизнеописаний», затронул тему Ганнибаловой войны в биографиях Фабия Максима Кунктатора и Марка Клавдия Марцелла. В отличие от Полибия, Тита Ливия и Аппиана, описавших ход исторических событий, Плутарх ставил перед собой несколько иную цель: *«Мы пишем не историю, а жизнеописания, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов. Подобно тому, как художники, мало обращая внимания на прочие части тела, добиваются сходства благодаря точному изображению лица и выражения глаз, в которых проявляется характер человека, так и нам пусть будет позволено углубиться в изучение признаков, отражающих душу человека, и на основании этого составлять каждое жизнеописание, предоставив другим воспевать великие дела и битвы»* (Алех. 1). Плутарх любит пересказывать различные сплетни и байки, но в его «Сравнительных жизнеописаниях» сохранилось множество ценнейших фактов, о которых умалчивают другие авторы.

Римский историк Корнелий Непот, живший в I в. до н. э., автор книги «О знаменитых иноземных полководцах», написал биографии двух карфагенских военачальников – Ганнибала и Гамилькара Барки. Главное сочинение Непота называлась «О знаменитых людях» и состояло из нескольких книг, где присутствовали биографии полководцев, деятелей культуры и других выдающихся личностей. Биография Ганнибала невелика по объему, тем не менее, рассказывая о жизни и боевом пути полководца, Непот допускает несколько ошибок.

Некоторую информацию нам дает Луций Анней Флор (70—140 гг. н. э.) в своих «Римских войнах» в двух книгах. Полностью эта работа называется «Эпитомы Тита Ливия» и представляет краткий обзор военной истории Римской империи. Ход Второй Пунической войны кратко излагается в первой книге.

Римский историк Флавий Евтропий написал «Бревиарий от основания города», где вкратце изложил историю Рима до времени правления императора Валента. Книга III «Бревиария» полностью посвящена Второй Пунической войне, но также, как и рассказ Аннея Флора, повествует о ней очень лаконично и сжато.

Совсем немного информации по интересующей нас теме можно найти в «Стратегемах» Полиэна и в книге Секста Юлия Фронтинана с аналогичным названием. В этих трудах рассказывается о некоторых тактических приемах и военных хитростях полководцев античности. Есть среди них и участники Второй Пунической войны, в частности Ганнибал, Сципион Африкан-

ский, Марцелл и Гай Клавдий Нерон. О них же рассказывал и Валерий Максим в «Достопамятных деяниях и изречениях».

I. Гай Фламиний. Солдат Рима

1. Войны с галлами и битва при Теламоне

Римскому консулу Гаю Фламинию очень не повезло в исторической литературе. Он прославился как военачальник, который в силу своих личных качеств и отсутствия таланта полководца попал в приготовленную Ганнибалом ловушку и погубил римскую армию у Тразименского озера. Но так ли это? Неужели римляне, когда их государство подверглось смертельной опасности, доверили армию человеку, совершенно некомпетентному в военном деле? Или же всё было не совсем так, как пишут об этом историки античности?

* * *

Отцом Гая Фламиния был некий Гай, а дедом Луций, информация об этом содержится в «Капитолийских фастах»⁴. Будущий консул происходил из плебейского рода. Сведений о его жизни, за исключением военных предприятий, в которых он принимал участие, сохранилось очень мало, и собирать их приходится буквально по крупицам. Информация о деятельности Фламиния во благо Рима на гражданском поприще, разбросанная по трудам писателей античности, является обрывочной и неполной. Недаром Карл Нич справедливо заметил, что *«при настоящем состоянии предания мы не можем проследить подробно те бурные конфликты, в центре которых он стоял»*⁵. Поэтому о жизни этого человека будет рассказано в контексте войн эпохи. Прежде всего речь пойдет о войнах с галлами.

Это противостояние римлян и галльских племен оказалось в тени Первой и Второй Пунических войн. Удивительно, но период между двумя войнами ознаменовался серьезным кризисом как для Карфагенской державы, так и для Римской республики. И если благодаря роману Гюстава Флобера «Саламбо» многие знают о восстании наемников, едва не погубившем Карфаген, то о войнах в Северной Италии римлян с галлами известно не многим. Битвы при Теламоне и на реке Клезис не на слуху. Между тем они очень интересны с точки зрения тактического искусства римских военачальников накануне войны с Ганнибалом. Как полководцы Фламиний и Марцелл сформировались именно в этот период и тогда же совершили свои самые знаменитые подвиги. Но обо всем по порядку.

До поры до времени римляне считали галлов самым страшным врагом. Они никогда не забывали о том, как 18 июля 380 г. до н. э. в битве при Аллии варвары в буквальном смысле слова смели римскую армию с поля боя и захватили город. С той самой поры этот день считался в Риме траурным днем. А выражение «гуси Рим спасли» можно трактовать и так, что кроме как на гусей римлянам надеяться, было больше не на кого. Что и подтверждает факт семимесячной оккупации Рима галлами. Поэтому римляне не просто опасались своих северных соседей, они их боялись. Что же касается кельтов, то они любили рассказывать о подвигах предков, *«о том, как они, начав войну, не только победили римлян в сражении, но после битвы с первого набега заняли Рим, как они завладели всем достоянием римлян и самый город держали в своей власти в течение семи месяцев, наконец о том, как они добровольно и из милости отдали город назад и с добычей возвратились домой беспрепятственно и невредимо»* (Polyb. II, 22). Патриотические сказки Тита Ливия о том, как героические римляне выгнали галлов из своего города, всерьез

---

⁴ Капиталийские фасты – мраморные плиты со списком консулов и триумфаторов Римской республики. Различают Консульские фасты и Триумфальные фасты.

⁵ Нич К. История Римской республики. С. 168.

воспринимать не будем. Ливию надо прославить храбрость предков, вот он её и прославлял, даже в тех случаях, где её не было явлено вовсе.

У Полибия всё гораздо прозаичнее, в его кратком описании захвата Вечного города варварами нет места римскому героизму: *«Некоторое время спустя кельты разбили римлян и союзников их в сражении, преследовали бегущих и через три дня после битвы овладели самым Римом, за исключением Капитолия. Однако, будучи вызваны домой вторжением венетов в их землю, кельты заключили мир с римлянами, возвратили города и вернулись на родину. После этого они вовлечены были в домашние войны; кроме того, на них нередко нападали соединенными силами некоторые альпийские народы, наблюдавшие благосостояние их вблизи»* (II, 18). Всё просто и банально: по большому счёту, римлян спас счастливый случай. После этого противостояние между двумя народами продолжилось, и шло оно с переменным успехом – то галлы шли на юг и били римлян на полях сражений, то сыновья волчицы начинали планомерное наступление на север, вытесняя своих врагов с плодородных и богатых земель.

Римляне четко разделяли Галлию на две части. Цизальпинская Галлия (Gallia Cisalpina) начиналась от подножия Альп и простиралась до реки Рубикон. Причем земли от Альпийских гор до реки Пад⁶ именовались Транспаданской Галлией, а территории от Пада до Рубикона – Циспаданской Галлией. Трансальпийская Галлия (Gallia Transalpina) омывалась волнами Средиземного моря, Атлантического океана, пролива Ла-Манш и была ограничена Альпами и Пиренеями. На западе её естественным рубежом был Рейн. О проживающих там кельтах Полибий сообщает следующее: *«Трансальпинами галаты называются не по своему происхождению, но по местожительству, ибо слово trans значит «по ту сторону» (perap), и римляне называют трансальпинами тех галатов, которые живут по ту сторону Альп. Вершины гор вследствие скудости почвы и скопления на них вечных снегов совершенно необитаемы»* (II, 15).

Более подробно Полибий рассказывает о жителях Цизальпинской Галлии: *«селились они неукрепленными деревнями и не имели никакого хозяйства, ибо возлежали на соломе, а питались мясом; кроме войны и земледелия, не имели никакого другого занятия, вообще образ жизни вели простой; всякие другие знания и искусства были неизвестны им. Имущество каждого состояло из скота и золота, потому что только эти предметы они могли легко при всяких обстоятельствах всюду брать с собою и помещать их по своему желанию. Величайшее попечение прилагали кельты к тому, чтобы составлять товарищества, ибо опаснейшим и могущественнейшим человеком почитался у них тот, у кого было наибольшее слуг и верных товарищей»* (II, 17). Под слугами и товарищами греческий историк подразумевает воинов.

Галлы были великолепными бойцами, для этих людей война в буквальном смысле слова являлась смыслом жизни: *«Все племя, теперь называемое галльским и галатским, помешано на войне, отличается отвагой и быстро бросается в бой; впрочем, оно простодушно и незлобиво. Поэтому в состоянии возбуждения галаты устремляются в бой открыто и без оглядки, так что тем, кто захочет применить хитрость, их легко одолеть. Кто бы, когда и где ни пожелал под любым случайным предлогом раздражить галатов, найдет их готовыми встретить опасность, хотя бы у них не было никакой поддержки в борьбе, кроме собственной силы и отваги»* (Strab. IV, IV, 2). Галльские воины принадлежали к элите общества, были преданы своим вождям и не знали страха в бою. Из них формировались отряды, совершающие набеги на земли соседей, поскольку именно во время боевых действий воин мог завоевать уважение товарищей и захватить богатую добычу. Хотя, в случае внешней опасности или же большого похода за пределы Галлии, вчерашние противники могли выступить под одним знаменем. Впрочем, несмотря на личную преданность своим вождям, галлы охотно служили наемниками не только у соплеменников, но и у иноземных правителей. В частности, их охотно нанимал тиран Сиракуз Дионисий.

⁶ Пад – современная река По в Северной Италии.

Снаряжение воина в поход было его личной заботой, и чем больше он привозил с войны добычи, тем лучше у него были оружие и доспехи. Меч, копье и большой овальный щит являлись основными элементами вооружения и защиты. Наиболее состоятельные люди могли позволить себе иметь железные и бронзовые шлемы, но это не было массовым явлением. То же самое относится и к кольчуге, которая появляется у кельтов в III веке до н. э.

Интереснейшие сведения о военном деле у галлов сообщает Диодор Сицилийский: «*Оружие у них вот какое. Щиты – высокие, в человеческий рост, с особыми украшениями, на некоторых выступают также искусно изготовленные медные изображения животных, и не только для красоты, но и для большей надежности. Шлемы – медные, с большими выступающими вокруг частями, благодаря чему носящие их выглядят исполинами: к некоторым из шлемов приделаны рога, к другим – чеканные протомы птиц или четвероногих животных. Боевые трубы у них необычайные и варварские: трубя в них, издают грозные звуки, напоминающие грохот сражения. Панцири – железные, кольчужные, однако некоторые полагаются только на данную от природы силу и сражаются обнаженными. Вместо короткого меча (ξίφος) они сражаются длинным мечом (σπάθη), который носят, подвесив на железной или медной цепи к правому бедру. Некоторые носят поверх хитона украшенный золотом или серебром широкий пояс. Впереди себя они выставляют копья, которые называют «ланки», с железными наконечниками длиной в один локоть и более, а шириной – чуть менее дипалесты. Мечи (ξίφν) у них не меньше, чем дротики у других народов, а наконечники у дротиков больше, чем мечи. Некоторые из них выкованы прямыми, а некоторые – извилистыми по всей своей длине, чтобы не только наносить режущую рану, но и разрывать тело и при извлечении копья разрывать рану еще более» (Diod. V, 29).*

Особо хотелось бы остановиться на галльских мечах, поскольку по данному поводу есть интересное свидетельство Полибия. Вот что он нам рассказал: «*мечи их, как сказано было выше, пригодны только для первого удара, что вслед за тем притупляются и наподобие скребницы искривляются вдоль и поперек настолько, что второй удар получается слишком слабый, если только солдат не имеет времени выпрямить меч ногою, упирая его в землю... мечи их не имеют острия» (II, 336).*

Трудно сказать, откуда историк взял такую информацию, поскольку она идет вразрез с данными археологии: «*утверждение Полибия неосновательно, археологические свидетельства показывают, что многие галльские мечи были сделаны из высококачественного железа и представляли собой исключительно эффективное оружие»*⁷. В работе с железом галлы достигли высочайшего мастерства, и вряд ли изготавливаемое ими оружие было столь низкого качества. Местные кузнецы свое дело знали: «*Применяемые техники свидетельствуют о высокой квалификации и о хорошем знании руд, из которых путем последовательного нагрева иковки отбрасывалась огромная доля примесей. Галлы изобрели кузнечную сварку (соединение путем наложения слоев с различными свойствами). Это, в частности, необходимо было для мечей, сердцевина которых должна была оставаться мягкой, а лезвия максимально твердыми. Пайка отдельных фрагментов не практиковалась, ее заменяли оправкой, клепкой. Железо использовалось в первую очередь при производстве колоссальной массы оружия. Для этого создавались самые высокие технологии, которые позволяли производить мечи с ножнами из листового железа, пригнанными точно по клинку, поясные цепи из перевитых звеньев, острия пик с элегантной и мощной нервюрой, набалдашники шлемов»*⁸. В общем, ничего, что подтверждало бы информацию Полибия, нет. Галлы славились как отличные мечники, что вряд ли было бы возможно, имея они столь несовершенное оружие. При этом использование длинных мечей диктовало и свою тактику на поле боя, поскольку, чтобы нанести рубящий удар,

⁷ Пенроз Д. Рим и его враги. С. 139.

⁸ Брюно Жан-Луи. Галлы. С. 189.

воину требовалось свободное пространство. Поэтому ни о каких тесных боевых порядках речи быть не может – по большому счёту, галльские мечники сражались каждый сам по себе.

Галльская пехота была страшна своим первым натиском, но если атака не удавалась, кельты отступали, а затем снова устремлялись вперед. Если же противник продолжал стойко отражать их напор, боевой дух галлов резко падал: *«Галлы-инсубры и их соседи в Альпах обладали душами диких зверей, а телами сверхчеловеческими. Но опыт показал, что, насколько их первый натиск превосходит свойственный мужам, настолько следующий за ним слабее женского. Тела людей, выросших в Альпах, во влажном климате, подобны альпийским снегам: быстро разгораясь от битвы, они вскоре истекают потом и расслабляются при малейшем движении, словно [снег] от солнца»* (Flor. I, XX, II, 4). О том, что галлы старались не ввязываться в затяжные военные предприятия, связанные с длительными переходами по труднопроходимой местности, *«ввиду свойственной кельтам изнеженности и отвращения их к трудам»*, нам поведал Полибий (III, 79). Об этом же писал и Тит Ливий: *«этот народ не умеет переносить тягот дальнего пути»* (XXII, 2). В дальнейшем писатель вновь обратит на это внимание: *«галлы не переносят усталости»* (Liv. XXVII, 48). Действительно, такие прецеденты имели место, но, с другой стороны, отряды галлов регулярно переходили Альпы и не испытывали при этом каких-либо особых трудностей.

Располагали галльские вожди и легковооруженными войсками, куда входили лучники, пращники и метатели дротиков. Среди галлов было немало охотников, и поэтому нет ничего удивительного, что в случае опасности их призывали на войну. Хотя по своему социальному статусу эти люди стояли ниже воинов, их присутствие на поле боя было необходимо, исходя из тактических соображений.

Представители галльской знати формировали конницу. О том, насколько хорошо они были защищены кольчугами и шлемами, можно говорить только предположительно. Перед атакой всадники забрасывали врагов дротиками, после чего шли в бой с мечами и копьями. Как и пехотинцы, галльские наездники были сильны своей индивидуальной подготовкой, о действии в едином и сплоченном кавалерийском строю речи быть не может.

Воинские традиции галлов тоже были довольно своеобразны, об одной из них рассказывал Диодор Сицилийский: *«Убитым врагам они отрубают головы и вешают их на шеи своих коней, а окровавленные доспехи врагов передают слугам и увозят военную добычу, распевая боевые песни и победный гимн. Лучшую часть добычи они прибивают к стене своего дома, как, бывает, поступают с добычей охотники. Головы наиболее выдающихся из врагов они балзамируют кедровым маслом и бережно хранят в ларцах, показывая затем гостям и похваляясь тем, что или кто-то из предков, или их отцы, или сами они не приняли предлагаемого за ту или иную голову выкупа. Говорят также, что некоторые из них гордятся тем, что не приняли за такую голову золота, равного ей по весу, являя тем самым некое варварское великодушие не потому, что благородно не продавать доказательства своей доблести, но потому, что враждовать с соплеменниками погибшего – зверство»* (Diod. V, 29). Данную информацию подтверждает Страбон: *«Кроме того, к их глупости присоединяется еще варварский и экзотический обычай, свойственный большинству северных народов, возвращаясь после битвы, вешать головы врагов на шеи лошадей и, доставив эти трофеи домой, прибивать их гвоздями напоказ перед входом в дом. Посидоний говорит, что ему самому пришлось наблюдать подобное зрелище во многих местах, хотя сначала он чувствовал отвращение, но потом, привыкнув, спокойно переносил его. Головы знатных врагов галлы [сохраняли] в кедровом масле, показывали чужеземцам и не соглашались отдавать их [за выкуп] даже на вес золота»* (IV, IV, 5).

Также Диодор приводит информацию об использовании кельтами боевых колесниц и экзотическом поведении галлов на поле битвы: *«В путешествиях и сражениях галлы пользуются двуконными повозками, а на колесницах находятся возничий и боец. Приблизившись к вражеским всадникам, они поражают противника копьями, а затем, сойдя с колесницы, про-*

должают сражаться мечами. Некоторые из них презирают смерть настолько, что устремляются навстречу опасностям обнаженными, в одном только поясе. На войну они ведут с собой и свободных слуг, которых набирают из бедняков и используют в сражениях как возничих или оруженосцев» (Diod. V, 29).

Перед битвой галлы трубили в карниксы⁹ и подбадривали себя оскорбительными выкриками в адрес противника, ударяя мечами и копьями о щиты: «Выстроившись к бою, галлы имеют обыкновение выходить перед строем и вызывать храбрейших из противников на поединок, потрясая оружием и устрашая врагов. Если же кто примет вызов, они принимают превозносить подвиги предков и восхвалять собственную доблесть, тогда как противника оскорбляют, унижают и словами своими лишают его душевной отваги» (Diod. V, 29). По большому счету, галлы были бойцами-одиночками, предпочитающими единоборства правильному сражению.

Внешний вид галлов на поле боя был устрашающим: «Роста галлы очень высокого, тела у них нежные и белые, а волосы русые от природы, причем этот естественный цвет они стараются усилить еще более с помощью искусственных средств. Поэтому галлы очень часто моют волосы известковым раствором и зачесывают их ото лба к макушке и шее, напоминая таким образом видом своим сатиров и панов. Благодаря такому уходу волосы у них становятся толстыми, ничем не отличаясь от конской гривы» (Diod. V, 28). Поневоле испугавшись, увидев орущую толпу обнаженных гигантов-альбиносов, с азартом колотящих мечами по щитам. Впрочем, со временем римляне к этому привыкли. Недаром Марк Фурий Камилл разъяснял своим воинам, что не стоит бояться громких криков и устрашающего вида галлов: «Ведь что ужасного для идущих в бой смогут сделать косматые волосы, суровость в их взорах и грозный внешний вид? Ну, а эти их неуклюжие прыжки и пустое потрясение оружием, и частые удары по щитам, и сколько другого расточается и движениями, и звуками среди угроз врагам из-за варварского и неразумного бахвальства, — какую пользу по самой своей природе способно это принести тем, кто нападает безрассудно, или какой страх внушить тем, кто сознательно стоит среди опасностей» (Dion. Hal. XIV, IX). Действительно, шуму много, толку мало.

Как уже отмечалось, галлы не отличались стойкостью на поле боя, что в определенной степени играло на руку их противникам: «нестерпимы как победители и выглядят совершенно растерянными, потерпев поражение» (Strab. IV, IV, 5). Данное наблюдение можно отнести и к длительным военным предприятиям, достаточно сравнить, сколько лет римляне потратили на завоевание Иберии и сколько — на покорение Трансальпийской Галлии.

* * *

О римской армии написано столько книг, работ и монографий, что если все их сложить в одно место, то получится гора не меньше, чем пирамида Хеопса. По данной теме вряд ли уже можно сказать что-либо новое. Поэтому, не имея желания переливать из пустого в порожнее, я только в самых общих чертах обрисую римскую армию в канун Второй Пунической войны, у кого есть интерес более подробно изучить этот вопрос, могут обратиться к соответствующей литературе.

Основным нашим источником по организации римской армии эпохи Второй Пунической войны и больших завоеваний на Востоке, является «Всеобщая история» Полибия. Сам в прошлом военный, историк очень хорошо знал то, о чем писал, в отличие от того же Тита Ливия, который очень часто путался при описании как боевых действий, так и различных армейских структур. У Полибия же всё расписано по-военному четко и понятно. Огромное значение

⁹ Карникс — бронзовая вертикальная боевая труба кельтов. Раструб изготавливался в виде головы животного.

имеет и тот факт, что историк в качестве военного советника Сципиона Эмилиана принимал участие в осаде Карфагена и видел римскую армию в деле. Поэтому перед нами не досужие рассуждения кабинетного теоретика, а рассказ участника событий.

Каждый римский гражданин был военнообязанным. В действующую армию набирались люди в возрасте от 17 до 46 лет, и, как пишет Полибий, *«они обязаны до сорокашестилетнего возраста совершить десять походов в коннице или двадцать в пехоте»* (VI, 19). Историк обращает внимание, что гражданин не мог занять в Риме какую-либо государственную должность, если не исполнил свой долг перед родиной и не совершил десять годовых походов.

Главной организационной единицей римской армии интересующего нас периода был легион. Его численность, по словам Полибия, варьировалась в зависимости от ситуации: *«определяется оно в четыре тысячи двести человек пехоты, или в пять тысяч, если предвидится более трудная война»* (VI, 20). На каждый легион приходилось 300 всадников. Также при легионе находились 1200 легковооруженных воинов, именуемых велитами, но в строевой расчет подразделения они не входили¹⁰: *«Что касается легковооруженных, то падающее на легион количество их распределяется поровну между всеми частями»* (Polyb. VI, 24). Велиты не делились на более мелкие тактические единицы, а просто распределялись между манипулами гастатов, принципов и триариев по 40 бойцов на подразделение.

Накануне Второй Пунической войны собственно римская армия состояла из четырех легионов: *«у римлян четыре легиона составляют основное и первоначальное деление войска»* (Polyb. VI, 19). Под командованием каждого консула находилось по два легиона, составлявших костяк консульской армии. Когда же стратегическая обстановка требовала объединить войска, то консулы командовали объединенной армией по очереди, через день, что приводило к очень негативным последствиям, поскольку принцип единоначалия есть залог победы на войне.

Основываясь на данных источников, Питер Коннолли следующим образом изобразил командную структуру римской армии: *«Избранные консулы назначали 24 военных трибуна. Десять из них были старшими, их срок службы должен был составлять не менее десяти лет; остальные 14 должны были прослужить не менее пяти лет. Первые два из избранных старших трибунов назначались в первый легион, следующие три – во второй, следующие два – в третий и следующие три – в четвертый. По такому же принципу назначали и младших трибунов: первые четыре – в первый легион, следующие три – во второй и т. д. В результате в каждом легионе было по шесть трибунов»*¹¹. По крайней мере, так утверждает Полибий: *«в каждом легионе, как мы только что сказали, имеется по шести трибунов, а каждому из двух консулов подначальны всегда у римлян два легиона; ясно отсюда, что консула сопровождают в поход непременно двенадцать трибунов»* (VI, 24).

Каждый легион делился на более мелкие тактические единицы, называемые манипулами, которые, в свою очередь, делились на две центурии. Всего в легионе было 30 манипул: 10 манипул гастатов, 10 манипул принципов и 10 манипул триариев. Манипулы гастатов и принципов насчитывали по 120 человек, у триариев – 60. Манипулами и центуриями командовали центурионы. По большому счёту, именно центурионы и были тем костяком, на котором держалась римская армия, поскольку эти люди получали свою должность исключительно за воинский опыт и заслуги на поле брани: *«Во всех поименованных выше разрядах легиона, за исключением наимладших, трибуны выбирают во внимание к личным достоинствам по десяти человек в начальники отрядов; засим в каждом легионе производится новый выбор других десяти начальников. Все они называются центурионами, и один из них, выбранный первым центурионом, входит в состав военного совета. Центурионы в свою очередь выбирают сами такое же*

¹⁰ Разин Е. История военного искусства. С. 272.

¹¹ Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. С. 125.

число помощников себе» (Polyb. VI, 24). Недаром Валерий Максим вознес хвалу этим замечательным воинам: *«Блеск нашего Города померк бы без яркой доблести, выказанной центурионами»* (III, 8. 7).

Римляне были очень практичным народом, что проявилось и при организации их вооруженных сил, не случайно они огромное внимание уделяли младшему командному составу армии. Поэтому в манипуле было два центуриона – *centurio prior* и *centurio posterior*, причем старшим был именно первый. Для чего это было сделано, разъяснил Полибий: *«Назначение двух начальников в каждом отряде имеет следующее основание: не зная, как будет действовать начальник, не случится ли с ним чего, между тем военное дело не допускает перерыва, римляне не желают оставлять манипул когда бы то ни было без вождя и начальника. Если оба центуриона на месте, то один из них, выбранный первым, ведет правое крыло манипула, а выбранный вторым – левое; если один из центурионов отсутствует, то остающийся командует целым манипулом. От центурионов римляне требуют не столько смелости и отваги, сколько умения командовать, а также стойкости и душевной твердости, дабы они не кидались без нужды на врага и не начинали сражения, но умели бы выдерживать натиск одолевающего противника и оставаться на месте до последнего издыхания»* (VI, 24). Именно наличие великолепного младшего командного звена в лице центурионов и позволило армии Римской республики стать со временем самой грозной силой в Средиземноморском регионе.

Немаловажную роль в армии Рима играли союзные контингенты. Пехотные подразделения латинских и италийских союзников насчитывали до 5000 воинов, а конные отряды состояли из 900 всадников. Каждый римский легион действовал при поддержке такого отряда союзников, образуя войсковую группу из 10 000 пеших воинов и 1200 кавалеристов. *«Как сказано выше, римляне набирают ежегодно четыре легиона, а легион имеет в себе около четырех тысяч пехоты и двести человек конницы. Если же предстоит более важное дело, тогда каждый легион составляют из пяти тысяч пехоты и трехсот человек конницы. Что касается союзников, то пехота их равняется по численности римским легионам, конница же обыкновенно втрое многочисленнее римской. Половина этого числа союзников и два легиона даются каждому из двух консулов и отправляются на войну. Для большей части войн употребляются один консул и два легиона, а также вышеупомянутое число союзников: лишь в редких случаях римляне пользуются одновременно для одной войны всеми военными силами»* (Polyb. III, 107). В классической консульской армии римские легионы сражались в центре, оставляя фланги союзникам. Эти отряды назывались алами (крыльями) и содержались за счет союзников. Младший состав союзных подразделений укомплектовывался из латинов и италиков, более высокие должности занимались военачальниками из Рима. Обо всех остальных элементах военной организации союзников можно говорить только предположительно.

Полибий подробно описывает, по какому принципу формировалась армия Римской республики в III в. до н. э.: *«После того военные трибуны в Риме, по приведении новобранцев к присяге, назначают день и место, когда и куда солдаты каждого легиона должны явиться безоружными, и затем отпускают их. Когда в назначенный день новобранцы соберутся, самых молодых из них и беднейших трибуны зачисляют в легковооруженные, следующих за ними – в так называемые *hastati*, людей наиболее цветущего возраста – в *principes*, а старейших – в *triarii*. Таковы у римлян и в таком числе деления каждого легиона, различающиеся не только по названиям и возрастам, но и по роду оружия. Распределение солдат производится таким образом: старейших, так называемых триариев, полагается шестьсот человек, *principes* – тысяча двести, столько же *hastati*, а прочие, наимладшие, образуют разряд легковооруженных. Если число солдат превышает четыре тысячи, соответственно изменится распределение солдат по разрядам, за исключением триариев, число которых всегда остается неизменным»* (VI, 21).

Снаряжение римской легковооруженной пехоты, велитов, было напрямую связано с теми задачами, которые перед ними ставились: *«Самым юным из солдат трибуны предписывают вооружаться мечом, дротиками и легким щитом. Щит сколочен крепко и для обороны достаточно велик. По виду он круглый и имеет три фута в поперечнике. Легковооруженные, кроме того, носят на голове гладкую шапку, иногда волчью шкуру или что-нибудь в этом роде как для покрытия головы, так и для того, чтобы дать отдельным начальникам возможность отличать по этому знаку храбрых в сражении от нерадивых. Древко дротика имеет обыкновенно в длину два локтя и в толщину один дюйм. Наконечник его длиною в пядень и так тонок и заострен, что непременно гнется после первого же удара, и потому противник не может метать его обратно; иначе дротиком пользовались бы обе стороны»* (VI, 22).

Интересную информацию о римских легковооруженных войсках сообщает Валерий Максим: *«Велитов впервые использовали в войне, когда полководец Фульвий Флакк осаждал Капую. Наши всадники не могли устоять против частых атак кампанских конников, которым они уступали в численности. Тогда центурион Квинт Навий выбрал из пехотинцев наиболее проворных и вооружил каждого из них семью короткими кривыми дротиками и небольшим щитом, а также научил их быстро запрыгивать на коня и спрыгивать с него, так что пехота превращалась в кавалерию и в итоге смогла легко отражать атаки вражеских пехотинцев и всадников, пользуясь похожим оружием. Это тактическое новшество свело на нет атаки вероломных кампанцев, а Навий, его автор, получил от полководца награду»* (II, 3. 3). Велиты выступали застрельщиками в сражениях, прикрывали боевые порядки легионеров – одним словом, выполняли все те функции, какие положены мобильным войскам. Соответственно не имели и строго определенного места в боевом порядке легиона. Иначе обстояло дело у гастатов, принципов и триариев.

Оружие и доспехи римских воинов изначально были достаточно разнообразными, поскольку приобретали его граждане за свой счет, но впоследствии власти обратили на это внимание и привели экипировку легионеров единому знаменателю. Полибий оставил подробное описание вооружения римских легионеров. При этом необходимо учитывать, что рассказ историка относится к середине II века до н. э., когда со времени окончания Второй Пунической войны немало воды утекло. В частности, иберийский меч, о котором упоминает Полибий, появился в легионах во время Иберийской кампании Сципиона. До этого на вооружении легионеров был прямой короткий меч, пригодный как для колющих, так и для режущих ударов. Слово предоставляется Полибию: *«Воинам второго возраста, так называемым hastati, отдается приказание носить полное вооружение. В состав его прежде всего входит щит шириною в выпуклой части в два с половиною фута, а длиною в четыре фута; толщина же щита на ободке в одну пядь. Он сколочен из двух досок, склеенных между собою бычьим клеем и снаружи обтянутых сначала холстом, потом телячьей кожей. Далее по краям сверху и снизу щит имеет железные полосы, которые защищают его от ударов меча и позволяют воину ставить его наземь. Щит снабжен еще железною выпуклостью, охраняющею его от сильных ударов камней, сарис и всякого рода опасных метательных снарядов. Кроме щита в состав вооружения входит меч, который носят у правого бедра и называют иберийским. Он снабжен крепким, прочным клинком, а потому и колет превосходно, и обеими сторонами наносит тяжелый удар. К этому нужно прибавить два метательных копья, медный щит и поножи. Копья различаются на тяжелые и легкие. Круглые тяжелые копья имеют в поперечнике пядень, четырехгранные – столько же в каждой стороне. Легкое копьё походит на рогатину средней величины, и его носят вместе с тяжелым. Длина древка в копьях обоого рода около трех локтей. Каждое древко снабжено железным наконечником с крючком такой же длины, как и древко. Наконечник соединяется с древком очень прочно и для дела весьма удобно, потому что его запускают в дерево до середины и укрепляют множеством заклепок, поэтому связь частей не нарушается от употребления никогда, разве изломается железо; между тем тол-*

ицина наконечника в основании, там, где он соединяется с древком, всего полтора пальца. Вот какое внимание обращают римляне на связь частей копья. Помимо всего сказанного, они украшают шлем султаном, состоящим из трех прямых перьев красного или черного цвета почти в локоть длиною. Утвержденные на верхушке шлема перья вместе с остальным вооружением как будто удваивают рост человека и придают воину красивый и внушительный вид. Большинство воинов носят еще медную бляху в пядень ширины и длины, которая прикрепляется на груди и называется нагрудником. Этим и завершается вооружение. Те из граждан, имущество коих определяется цензорами более чем в десять тысяч драхм, прибавляют к остальным доспехам вместо нагрудника кольчугу. Совершенно так же вооружены *principes* и *triarii* с той только разницей, что *triarii* имеют копья вместо дротиков» (VI, 23). Здесь даже комментировать ничего не надо, настолько всё изложено понятно и доступно.

Подготовка легионеров была долгим и трудоемким процессом. Упор делался как на индивидуальное действие воина, так и на действия в строю манипулы. Сохранилась информация о некоторых приемах римлян в бою. В этом контексте очень интересен рассказ Авла Геллия о поединке Тита Манлия Торквата с воином-кельтом: «вышел некий галл без какого-либо вооружения, кроме щита и двух мечей, украшенный ожерельем и армиллами, превосходивший прочих и силою, и ростом, и молодостью, и в то же время доблестью. Он, когда битва была уже в самом разгаре и обе стороны сражались с величайшим рвением, стал подавать и тем, и другим знаки рукой, чтобы они остановились. Бой прервался. Как только воцарилось молчание, он крикнул громовым голосом, чтобы желающий с ним сразиться выступил вперед. Никто не отваживался – из-за огромности и дикости его вида. Наконец галл принялся насмехаться и показывать язык. Некому Титу Манлию, происходившему из очень знатного рода, с самого начала было тяжело видеть, как тем, что из столь большого войска никто не выходит, государству оказывается такое бесчестье. Он, говоря я, выступил вперед и не допустил, чтобы римская доблесть стала добычей галла. Вооруженный пехотным щитом и испанским мечом, он стал против галла. Этот страшный бой состоялся на самом мосту, на глазах у обеих армий. Итак, как я уже сказал, они сошлись: галл, по своему обычаю, выставив вперед щит, громко пел; Манлий, доверившись скорее храбрости, чем [военному] искусству, ударил щитом о щит и сбил галла с места. Пока галл снова пытается стать прежним образом, Манлий вторично ударяет щитом о щит и опять сбил его с места; таким образом, он проскользнул под галльским мечом, клинком испанским пронзив ему грудь; затем он непрерывно тем же способом рубил его правое плечо и не остановился до тех пор, пока не поверг его, чтобы галл не устремился поразить [его]. Повергнув его, он отрубил голову, сорвал ожерелье и, окровавленное, надел себе на шею» (XI, 13).

Обратим внимание на два момента. Во-первых, в данном тексте присутствует анахронизм: Геллий пишет о том, что у Манлия был иберийский меч, а, как я уже обращал внимание, этот клинок будет взят на вооружение в легионах лишь при Сципионе Африканском. Во-вторых, и это главное, – насколько умело римлянин пользуется щитом. Перед нами наглядный пример, как в руках опытного бойца щит может стать грозным оружием. Если же исходить из того, что таким образом будет действовать вся первая шеренга манипулы во время сражения, то можно представить, как трудно приходилось противникам римлян.

Несколько иначе описывает этот достопамятный поединок Тит Ливий. Но и в его рассказе Манлий мастерски обращается со щитом и благодаря этому побеждает противника: «галл, возвышаясь как гора над соперником, выставил против его нападения левую руку со щитом и обрушил свой меч с оглушительным звоном, но безуспешно; тогда римлянин, держа клинок острием вверх, с силою поддел снизу вражий щит своим щитом и, обезопасив так всего себя от удара, протиснулся между телом врага и его щитом; двумя ударами подряд он поразил его в живот и пах и поверг врага, рухнувшего во весь свой огромный рост» (VII, 10). Почему поединок закончился именно так, а не иначе, можно понять из текста Полибия: «вооружение рим-

лянина и обороняет его, и поднимает его дух, потому что щит его велик, а меч не портится в действии. Трудно поэтому бороться с римским солдатом и трудно одолеть его» (Polyb. XV, 15). Выучка римской пехоты была высочайшей, что подтвердилось на полях сражений Пунических войн.

О повседневных буднях легионеров Полибий рассказал на примере армии Сципиона Африканского: «Публий... преподал трибунам следующего рода упражнения для сухопутных войск: один день все они должны были пробегать тридцать стадий во всеоружии, на другой день – чистить и чинить вооружение и выставлять его для осмотра перед палатками, на третий – отдыхать и развлекаться, на четвертый – одни должны были сражаться друг с другом деревянными мечами, обернутыми в кожу и снабженными на концах кожаными шариками, другие – метать друг в друга копья также с кожаными шариками на концах, на пятый день снова бегать и возобновлять упражнения. Вместе с тем он строжайше внушал ремесленникам, чтоб вооружение воинов было в полной исправности как для упражнений, так и для настоящей войны» (X, 20). Квириты¹² действовали по старому доброму принципу: тяжело в учении – легко в бою.

Очень любопытны рассуждения Полибия о римской кавалерии, поскольку историк раньше занимал должность начальника конницы Ахейского союза. Мнение профессионала дорогого стоит, и его всегда интересно выслушать. При этом историк делает небольшой исторический экскурс, рассказывая о снаряжении римских всадников легендарной древности: «Равным образом и конницу римляне делят на десять эскадронов, тигтае, в каждом из них выбирают трех начальников, которые сами назначают себе еще троих помощников. Эскадронный начальник, выбранный первым, ведет эскадрон, а два других имеют звание десятников; все трое называются декурионами. За отсутствием первого из них эскадроном командует второй. Вооружение конницы в наше время походит на эллинское. В старину первоначально конные воины не имели панцирей и шли в битву, опоясанные передниками. Благодаря этому они легко и ловко спешили и быстро снова вскакивали на лошадь, зато в стычках подвергались большой опасности, потому что дрались обнаженные. Употреблявшиеся тогда копья непригодны были в двояком отношении: они были тонки и ломки, при взмахе большей частью ломались от самого движения лошадей, раньше еще, чем наконечник копья упирался в какой-либо предмет, вот почему воины не могли попадать ими в цель. Потом копья делались с одним только наконечником на верхнем конце, благодаря чему воин наносил только один удар копьем, засим наконечник ломался, и копье становилось совершенно негодным и ненужным. Римский щит изготовлялся из бычьей кожи, имел форму лепешек выпуклостью посередине, какие употребляются римлянами для жертвоприношений. Для отражения ударов щиты эти были неудобны по своей непрочности, к тому же от дождей кожа их портилась, сырела, и тогда они становились уже негодными, да и без того не были удобны. Так как вооружение это оказалось непригодным, то римляне вскоре переняли вооружение от эллинов. Здесь первый уже удар верхним наконечником копья бывает обыкновенно меток и действителен, так как копье сделано прочно и не гнется; к тому же и нижний конец копья, которым можно повернуть его, наносит верный и сильный удар. То же самое и относительно щита, который у эллинов отлично приспособлен для отражения ударов, наносимых издали и вблизи. Римляне сообразили это и вскоре переняли эллинский щит» (VI, 25).

Как истинный военный профессионал, Полибий уделяет большое внимание различным аспектам организации римской армии. В частности, он очень подробно расписывает движение легионов на марше: «Обыкновенно во главе движения римляне ставят отборных; за ними следует правое крыло союзников в сопровождении обоза тех и других. Дальше, сопровождаемый собственным обозом, едет первый легион римлян; за ним следует второй легион со своим

¹² Квириты (Quirites) – так называли римских граждан в эпоху республики.

обозом и с пожитками тех союзников, которые поставлены в тылу армии; движение замыкается левым крылом союзников. Что касается конницы, то частью она идет в тылу отрядов, к коим причислена, частью следует по бокам выючных животных для того, чтобы держать их в сборе и защищать от нападений. Если нападение ожидается с тыла, то все остается в том же порядке, только отборные из союзников замыкают собою движение, а не идут впереди. Положение каждого легиона и каждого крыла то впереди, то сзади меняется через день, дабы все войска, занимая попеременно переднее место в походе, в равной мере пользовались выгодами – запасаться водою и съестными припасами, еще не тронутыми. Впрочем, в тех случаях, когда грозит опасность со стороны неприятеля и когда войско находится в открытой местности, римляне совершают поход в ином порядке, а именно: они двигаются тремя параллельными рядами *hastati*, *principes* и *triarii*, причем обоз первых манипулов помещается впереди всего, за первыми манипулами следует обоз вторых, за вторыми – третьих, в том же порядке чередуются все обозы и манипулы. Такой походный строй дает войску возможность на случай какой-либо опасности выдвигать манипулы вперед из обозов и, поворачивая их то влево, то вправо, ставить против неприятеля. Таким образом, все войско тяжелооруженных в короткое время одним движением выстраивается в боевой порядок, если только не нужно выдвинуть вперед и *hastati*. Выючные животные и следующая за лагерем толпа, находясь под прикрытием боевой линии, самим положением достаточно защищены от опасности» (VI, 40). Во время марша легионер нес на себе не только своё снаряжение, но и деревянные колья для лагерного частокола: «римляне со щитом на кожаном ремне через плечо, с дробиками в руках, не тяготясь нести еще и палисадины» (XVIII, 18).

Значительный раздел Полибий посвящает устройству римского военного лагеря и рассказывает о нем подробнейшим образом. Уже античные авторы расходились во мнениях относительно того, была ли такая четкая организация лагеря чисто римской идеей, или же квиристы её позаимствовали. Тит Ливий прямо пишет о том, что царь Пирр Эпирский «первым всех научил разбивать лагерь, к тому же никто столь искусно, как Пирр, не использовал местность и не расставлял караулы» (XXXV, 14). Ничего невероятного в этом нет, недаром Полибий заметил, что «римляне оказываются способнее всякого другого народа изменить свои привычки и позаимствоваться полезным» (VI, 25). На эту сторону римского менталитета обратил внимание и Афиней: «Разумные люди верны идеалам тех древних времен, когда на войне побеждали, побежденных подчиняли и у пленных перенимали то, что находили полезным и прекрасным. Именно так поступали прежние римляне. Сохраняя свое, отечественное, они усваивали всё, что было хорошего в занятиях покоренных, им оставляли только бесполезные дела, чтобы не дать им вернуть себе всё, что было утрачено. Узнав, например, от греков о машинах и осадных орудиях, они с помощью этих орудий победили греков; а научившись у финикийцев морскому делу, они одолели их на море. У этрусков они научились сомкнутому строю, длинный щит заимствовали у самнитов, а метательное копье – у испанцев. И всё, что они взяли у разных народов, они усовершенствовали» (VI, 106). Поэтому нет ничего невероятного в том, что римские военачальники воспользовались опытом Пирра при обустройстве своего лагеря. Ведь царь Эпира был одним из лучших полководцев античности.

Но есть и иное мнение на этот счет. В том, что касается римского лагеря, Плутарх сообщает информацию прямо противоположную сведениям Тита Ливия: «Пирр верхом отправился к реке на разведку; осмотрев охрану, расположение и все устройство римского лагеря, увидев царивший повсюду порядок, он с удивлением сказал своему приближенному Мегаклу, стоявшему рядом: “Порядок в войсках у этих варваров совсем не варварский. А каковы они в деле – посмотрим”» (Рутг. 16). Так что вопрос о том, кто придумал организацию военного лагеря у римлян, остается открытым.

Устройство римского лагеря, Полибий разъясняет читателям до мельчайших подробностей. Укрепленный лагерь ставится после каждого дневного перехода, его местоположение

выбирает военный трибун с центурионами. Они покидают марширующую армию, едут вперед и изучают местность. После чего определяют место для палатки консула и делают от неё необходимые замеры, причем *«измерения производятся легко, все расстояния определены раз и навсегда, а потому работа выполняется быстро»* (VI, 41). Римский лагерь имел форму равно-стороннего четырехугольника, *«а проложенные в нем улицы и прочее устройство уподобляют его городу»* (Polyb. VI, 31). С каждой стороны этого четырехугольника находились ворота. От них протягивались улицы, вдоль которых стояли четкие линии палаток, причем для каждой палатки было отведено раз и навсегда закрепленное место: *«Таким образом, при неизменном размещении воинов на одних и тех же местах стоянки, каждый в точности знает и улицу, и ту часть ее, где должна находиться его палатка; все происходит приблизительно так, как если бы войско входило в родной город»* (VI, 41). Ров и вал с палисадом представляли надежную защиту для находившихся в лагере легионов, а четко поставленная и регламентированная караульная служба исключала возможность застать римлян врасплох при внезапном нападении. Мало того, с наружной стороны по периметру вала располагались велиты: *«Наружная сторона лагеря занята легковооруженными, которые стоят на страже вдоль всего вала изо дня в день. Такова возлагаемая на них служба. Они охраняют и лагерные ворота, располагаясь по десяти человек у каждых ворот»* (VI, 35). Как видим, организовать внезапное нападение на римский лагерь было достаточно проблематично. Римские полководцы старались предусмотреть буквально всё, вплоть до того, чтобы забрасываемый из-за вала огонь не долетал до палаток легионеров.

Как человек, досконально изучивший римскую и греческую военные организации, Полибий не удержался и сделал очень интересное сравнение: *«Для римлян в устройении лагеря важнее всего удобства, почему они в этом деле применяют, как мне кажется, способ, противоположный эллинскому, а именно: эллины при устройении лагеря имеют в виду прежде всего занятие местности, укрепленной самою природою, с одной стороны, желая избежать трудностей по возведению окопов, с другой – воображая, что никакие искусственные ограждения по степени крепости не сравнятся с теми, какие даны от природы. Поэтому-то для них неизбежно сообразоваться со свойствами местности, менять общую фигуру всей стоянки и отдельные части ее располагать то здесь, то там, смотря по местности. Вот почему в стоянке эллинов нет определенных мест ни для отдельных воинов, ни для целых частей войска. Римляне, напротив, предпочитают выносить труды по проведению рва и по другим сопутствующим работам, лишь бы облегчить устройство стоянки и лишь бы расположение ее было известно солдатам и оставалось всегда неизменным»* (VI, 42). Вывод напрашивается простой: при организации походного лагеря у римлян порядка было больше. Другое дело, являлось ли это заслугой квиритов, или же они всё-таки использовали наработки Пирра.

Несколько слов о римской тактике на поле боя. Общеизвестно, что именно римские военачальники первые додумались поделить громоздкую фалангу на более мелкие и маневренные тактические единицы. Но на пустом месте ничего не возникает, тем более в военной науке, на что и обратил внимание Ганс Дельбрюк: *«Уже относительно греческой и македонской фаланги мы можем с уверенностью принять, что они не образовывали совершенно непрерывных фронтов, а оставляли между частями небольшие интервалы, благодаря которым облегчалось правильное наступление, а при столкновении с противником само собой происходило просачивание задних шеренг фаланги в передние. Эти интервалы римляне ввели теперь в систему»*¹³. Получается, что римляне просто ускорили и довели до ума вялотекущий процесс. На смену фаланге пришел легион, или, как назвал его Ганс Дельбрюк, *«манипулярная фаланга»*.

¹³ Здесь и далее Г. Дельбрюк по изданию: Дельбрюк Г. История военного искусства. Т. 1. СПб.: Наука, Ювента. 1994. С. 204.

На поле боя манипулы располагались в три линии, в шахматном порядке – гастаты, принципы и триарии. При таком построении у римских полководцев появлялся тактический резерв, который можно было использовать на угрожающем участке фронта или же для парирования охвата флангов войсками противника: *«Так, римляне не строят одной боевой линии и всеми силами не выступают фронтом против фаланги, но лишь одна часть участвует в сражении, а другая остается в запасе для прикрытия»* (Polyb. XVIII, 32). Выражение *«res ad triarios rediit»* (дело дошло до триариев) означало, что ситуация на поле боя совсем плохая и пришло время вводить в бой ветеранов.

Другим важным аспектом римской манипулярной тактики было то, что каждая манипула являлась отдельной тактической единицей и могла самостоятельно решать боевые задачи. На это обратил внимание Полибий: *«Римский боевой строй, напротив, весьма удобен, ибо каждый римлянин, раз он идет в битву вполне вооруженный, подготовлен в одинаковой мере для всякого места, времени, для всякой неожиданности. Точно так же он с одинаковой охотой готов идти в сражение, ведется ли оно всей массой войска разом, или одной его частью, манипулом или даже отдельными воинами. Так как приспособленность частей к сражению составляет важное преимущество, то по этому самому и начинания римлян чаще, нежели прочих народов, увенчиваются успехом»* (XVIII, 32). Историк не раз отметит достоинства манипулярной тактики квиритов: *«римский военный строй и римское войско трудно разорвать, солдаты, оставаясь в том же строю, имеют возможность вести сражение отдельными частями или всею массой по всем направлениям, ибо ближайшие к месту опасности манипулы каждый раз обращаются лицом, куда нужно»* (Polyb. XV, 15).

Одним из важнейших преимуществ римского легиона было то, что он мог вести боевые действия на пересеченной местности. Дельбрюк полагал, что это было важнейшим преимуществом римской военной школы в противостоянии с армейскими структурами народов Восточного Средиземноморья: *«Манипулярный строй не только дает фаланге возможность постоянно сохранять свою сущность, но еще и облегчает ей передвижение при неблагоприятных условиях местности. Что бы ни происходило по пути, фаланга никогда не теряет своего порядка, всегда встречает противника сомкнутым, непрерывным фронтом. На место почти монолитного в своей целостности единства выступает единство расчлененное. Фаланга получила звенья»* (С. 206). Римская манипулярная тактика хорошо себя зарекомендовала как во время войн с самнитами, так и во время войны с Пирром.

Подведем итоги. Армия Римской республики, четко организованная, дисциплинированная, получившая колоссальный опыт во время Первой Пунической войны, была той самой силой, которая могла навсегда покончить с угрозой, исходящей из Цизальпинской Галлии. Проблема заключалась в том, правильно ли распорядится этой силой правящая элита Рима.

* * *

Произнеся все необходимые заклинания о римской армии, вернемся к ситуации, сложившейся в Северной Италии после Первой Пунической войны. В это время всё внимание римского сената было приковано к Цизальпинской Галлии, поскольку именно оттуда в данный момент исходила непосредственная угроза для республики. Но при этом был у правящей элиты Рима и свой интерес к территориям, где проживали галльские племена. Недаром Полибий выражает искреннее восхищение этим благодатным регионом: *«Нелегко перечислить все достоинства этой земли. Так, она изобилует хлебом в такой степени, что в наше время нередко сицилийский медимн¹⁴ пшеницы стоит четыре оболы¹⁵, медимн ячменя – два оболы,*

¹⁴ Сицилийский медимн – 52 литра.

¹⁵ Обол – мелкая медная монета в Древней Греции.

столько же стоит метрет¹⁶ вина; гречиха и просо рождаются у них в совершенно невероятном изобилии. Как много растет желудей на этих равнинах в дубовых лесах, раскинутых на некотором расстоянии один от другого, всякий может заключить лучшее всего из следующего: в Италии убивается огромное количество свиней частью для домашнего употребления, частью для продовольствия войск, и животные доставляются главным образом этими равнинами. О дешевизне и обилии различных съестных припасов можно судить вернее всего по тому, что путешествующие в этой стране, заходя в трактир, не расспрашивают о стоимости отдельных предметов потребления, но вообще, сколько возьмет хозяин с человека. Обыкновенно содержатели трактиров, давая часто всего вдоволь, берут за это пол-асса¹⁷, что составляет четвертую часть обола; лишь в редких случаях взимается более высокая плата. Многолюдство населения, высокий рост его и телесная красота, а равно военная отвага будут выяснены самой историей событий» (II, 15). Таким образом, с одной стороны, римлянам очень хотелось, чтобы населяющие Северную Италию галлы про них навсегда забыли, но, с другой стороны, их манили и притягивали земли кельтов. Разрешить данное противоречие можно было только с помощью оружия.

Ещё в 285 г. до н. э. галльское племя сенонов начинает наступление на Этрурию и наносит поражение римской армии, пришедшей на помощь этрускам. Лишь со второй попытки римляне одерживают победу над сенонами, а затем сами идут на север и захватывают их земли. После чего местное население либо изгоняется, либо уничтожается, а на завоеванных территориях основывается римская колония Сена Галльская. Для проживающих в Северной Италии галлов это был первый тревожный звонок. И, надо сказать, они этот сигнал правильно поняли.

В 283 г. до н. э. соседи сенонов бойи, по свидетельству Полибия, «*страшась за такую же участь своей земли*» (II, 20), объединились с этрусками и выступили на Рим. Но в битве у Вадимонского озера союзники потерпели сокрушительное поражение от римлян и отступили. На следующий год бойи провели, как это принято говорить в наши дни, тотальную мобилизацию, призвав к войне с Римом даже молодежь, едва достигшую совершеннолетия. Как заметил Полибий, «*в это время судьба заразила всех галатов страстью к войне, как бы чумой какой*» (II, 20). Вновь объединившись с этрусками, галлы дали бой римлянам, но опять были разбиты. Не имея возможности противостоять римскому оружию, бойи смирили свою гордыню и отправили в Рим посольство для заключения мирного договора. Сенаторы не рискнули продолжать боевые действия на севере Италии, поскольку всё тревожнее становилась обстановка на юге страны. Назревал конфликт с городами Великой Греции¹⁸, римляне не хотели воевать на два фронта и поэтому охотно пошли на заключение мира с галлами. До поры до времени страсти улеглись. Полибий так подвел итоги этого противостояния: «*Вышеупомянутые войны оказали римлянам двойную, весьма важную услугу. Так, свыкшись с неудачами, какие терпели от галатов, римляне не могли уже ни иметь в настоящем, ни ожидать в будущем чего-либо более ужасного, как испытанные ими положения. Поэтому против Пирра римляне выступили совершенными в военном деле бойцами. Потом, вовремя смирив дерзость галатов, римляне прежде всего могли беспрепятственно вести войну с Пирром за Италию, а затем бороться с карфагенянами за владычество над сицилийцами*» (II, 20). Греческий историк заостряет внимание на сугубо военном аспекте проблемы: по его мнению, это был решающий фактор для дальнейшего развития событий.

В 280 г. до н. э. разразилась война между греками Южной Италии, призвавшими на помощь царя Эпира Пирра, и Римской республикой. После победы над знаменитым царем

¹⁶ Метрет – 9, 39 литра.

¹⁷ Асс – медная монета в Древнем Риме.

¹⁸ Великая Греция – историческая область на юге Италии и Сицилии. Здесь находились знаменитые греческие колонии, такие как Сиракузы, Тарент, Кротон, Сибарис, Метапонт и ряд других.

под властью римлян оказалась практически вся Италия, за исключением тех территорий, где жили галльские племена. Римляне обратили свой взор на север, и новое столкновение с галлами стало неизбежно. Ситуация резко обострилась во второй половине III века до н. э., когда вожди племени бойев пришли к выводу о том, что собственными силами им с римлянами не справиться, и призвали на помощь трансальпийских галлов. Однако правящая верхушка бойев действовала втайне от своего народа, что в итоге и привело к конфликту. Когда отряды трансальпийских галлов подошли к Аримину, против них и призвавших их вождей выступила основная масса бойев. В кровопролитном сражении пришельцы были разгромлены, а их сторонники среди бойев перебиты. Римляне вздохнули с облегчением, поскольку вторжение галлов не состоялось, но, как оказалось, квириды рано радовались.

* * *

Поводом к новой войне послужило усиление римского влияния на севере Италии, когда квириды начали выводить колонии на земли Умбрии, Этрурии, и на отвоеванных у сенонов территориях. В это время впервые в письменных источниках появляется имя народного трибуна Гая Фламиния. Полибий, настроенный негативно по отношению к трибуну, так прокомментировал его действия: *«в консульство Марка Лепида римляне разделили на участки область в Галатии, именуемую Пикентиною, которую после победы очистили от галатов сенонов. Закон этот провел ради снискания себе народного расположения Гай Фламиний и тем, можно сказать, положил начало порче нравов у римлян и породил следовавшую за сим войну римлян с названными выше народами»* (II, 21). Случилось это в 232 г. до н. э., через пять после того, как бои отбросили из Северной Италии трансальпийских галлов.

По большому счёту, порча нравов началась у квиридов значительно позже, и виноваты в этом оказались совсем другие люди, а Гай был здесь совершенно ни при чем. То же самое касается и войны с галлами, рано или поздно она бы все равно началась. Но как оказалось, для римлян всё закончилось очень удачно, поскольку военный разгром кельтов произошел за несколько лет до нашествия Ганнибала на Италию. Начнись война несколько позже и ситуация для квиридов сложилась бы прямо катастрофическая.

Итак, Гай Фламиний провел закон о раздаче земли крестьянам в бывшей области сенонов (так называемое Галльское поле). У Цицерона сохранилось любопытное свидетельство о том, как принимался этот достопамятный закон. Фабий Максим Кунктатор, *«будучи консулом вторично, когда его коллега Спурий Карвилий бездействовал, оказал, насколько мог, сопротивление плебейскому трибуну Гаю Фламинию, желавшему, вопреки воле сената, подушно разделить земли в Пиценской и Галльской областях»* (Cic. de Sen, 11). Но Гай Фламиний победил сенат: *«Источники не указывают число граждан, получивших землю по этому закону, но один из современных исследователей на основании собственных подсчетов оценивает примерное число поселенцев в 19 000»*¹⁹. Народный трибун показал себя как выдающийся политический деятель, проявивший железную волю и упорство при достижении поставленной цели.

Эти действия римских властей перепугали галлов, в частности вождей инсубров, таврисков и бойев, вполне справедливо решивших, что и их может постигнуть участь сенонов. В сложившейся ситуации проникновение римлян в долину реки Пад становилось лишь вопросом времени. По словам Полибия, *«многие племена галатов, в особенности бойи, как живущие на границе с римлянами, приняли участие в борьбе, в том убеждении, что римляне ведут войну с ними не за преобладание или владычество, но за совершенное изгнание галатов и истребление их»* (II, 21). В Трансальпийской Галлии были набраны отряды наемников, отличавшихся высокой боеспособностью: *«эти последние идут в военную службу за деньги и потому назы-*

¹⁹ Васильев А. Магистратская власть в Риме в республиканскую эпоху: традиции и инновации. СПб. 2014. С. 148.

ваются гесатами: таково настоящее значение этого слова» (Polyb. II, 22). Получив столь мощное подкрепление, инсубры, бойи и тавриски в 225 г. до н. э. начали полномасштабное вторжение на римские земли.

Настроения в Риме царили самые тревожные, поскольку сенаторы точной информацией не обладали и поэтому строили всевозможные догадки относительно дальнейших действий галлов. Полибий не без ехидства прокомментировал действия римских властей, отметив, что *«они то набирали легионы и делали запасы хлеба и иного продовольствия, то выходили с войсками до границ, как будто неприятель уже вторгся в их страну, хотя кельты не покидали даже родины»* (II, 22). Но когда трансальпийские галлы под командованием вождей Конколитана и Анероеста перешли через Альпы и объявились в Северной Италии, власти в Риме в полной мере оценили размер опасности и стали действовать более-менее последовательно. Именно в это время был заключен договор с карфагенским командующим в Иберии Гасдрубалом, согласно которому река Ибер²⁰ разграничила сферы влияния Рима и Карфагена на Пиренейском полуострове. Были заготовлены громадные запасы оружия и продовольствия, поскольку существовали реальные опасения, что война затянется. После чего сенат провел мобилизацию римских граждан и повелел союзникам предоставить списки всех мужчин призывного возраста, чтобы иметь представление о том, на какие силы можно рассчитывать в грядущей войне. Новое нашествие кельтов вызвало панику у народов Италии, и поэтому римляне получили безоговорочную поддержку не только от потенциальных союзников.

Сохранилось интереснейшее свидетельство Полибия о том, сколько же войск «отцы отечества» в итоге выставили против галлов. При этом историк проводит параллели с Ганнибаловой войной: *«Чтобы определить ясно и точно те силы, на какие впоследствии дерзнул напасть Ганнибал, и то могущество, которое он с изумительной отвагой задумал сокрушить, успев в своих замыслах настолько, что нанес римлянам жесточайшие поражения, необходимо показать военные средства римлян и исчислить войска, имевшиеся у них в то время. С консулами вышли четыре римских легиона, каждый в пять тысяч двести человек пехоты и триста человек конницы. Оба консула имели при себе союзников, общее число их доходило до тридцати тысяч пехоты и двух тысяч конницы. На помощь римлянам в трудном положении их явились в Рим от сабинов и тирренов²¹ до четырех тысяч конницы и больше пятидесяти тысяч пехоты. Римляне соединили их вместе и поставили перед границами Тиррени с претором во главе. От умбров и сарсинов, занимающих Апеннины, прибыло всего до двадцати тысяч, с ними соединились также в числе двадцати тысяч венеты и гономаны. Эти войска римляне поставили на границах Галатии, дабы вторжением в землю бойев заставить вышедших на войну возвратиться домой. Таковы были войска римлян, выставленные для охраны страны. В Риме ввиду возможных случайностей войны содержалось запасное войско в двадцать тысяч пехоты из самих римлян, вместе с ними полторы тысячи конницы, а от союзников тридцать тысяч пехоты и две тысячи конницы. На доставленных списках значилось латинов восемьдесят тысяч пехоты и пять тысяч конницы, самнитов семьдесят тысяч пехоты и семь тысяч конницы; от япигов и мессапиев было всего пятьдесят тысяч пехоты и шестнадцать тысяч конницы, от луканов тридцать тысяч пехоты и три тысячи конницы, от марсов, маррукинов, ферентанов и вестингов двадцать тысяч пехоты и четыре тысячи конницы. Кроме того, в Италии и Сицилии помещено было два запасных легиона, каждый в четыре тысячи двести человек пехоты и в двести конницы. Из римлян и кампанцев набрано было всего около двухсот пятидесяти тысяч пехоты и двадцать три тысячи конницы. Таким образом, для защиты римских владений выставлено было всего более ста пятидесяти тысяч пехоты и около шести тысяч конницы, а общее число способных носить оружие как римлян, так и союзников пре-*

²⁰ Река Ибер – современная Эбро в Испании.

²¹ Тирренами Полибий называет этрусков.

вышло семьсот тысяч пехоты и до семидесяти тысяч конницы» (II, 24). Тит Ливий в XX периоде называет цифру в 800 000 человек, аналогичную информацию приводят Орозий (IV, 13, 5) и Евтропий (III, 5).

Для борьбы с галлами сенат собрал 20 800 римской пехоты и 1200 конницы, 30 000 союзных пехотинцев и 2000 всадников. Это было основное ядро армии, вокруг которого группировались отряды тирренов, сабинов, умбров и сарсинов общей численностью в 90 000 пеших воинов и 4000 кавалеристов. Итого получаем 140 800 пехотинцев и 7200 всадников, выступивших навстречу кельтам. Здесь мы видим, что Полибий несколько запутался в расчетах, назвав общую численность войска *«более ста пятидесяти тысяч пехоты и около шести тысяч конницы»*. Но это уже частности. Также обратим внимание на свидетельство Тита Ливия, отметившего, что после окончания войны с галлами и накануне нашествия Ганнибала согласно переписи насчитывалось 270 213 римских граждан.

Консул Луций Эмилий Пап с легионами выдвинулся к Аримину, чтобы прикрыть этот важнейший город и защитить Адриатическое побережье. При этом совершенно непонятно, зачем второй консул Гай Атилий Регул был отправлен с армией на Сардинию, поскольку в данной ситуации у кельтов не было флота. Однако эта глупость в некоторой степени нивелировалась тем, что у границ Этрурии находились войска под командованием одного из преторов. Но, как оказалось, этих сил было недостаточно, поскольку главный удар галлов пришелся именно на Этрурию. Исходя из того, что Аримин был защищен легионами Эмилия Папа, Конколитан и Анероест избрали другой маршрут похода на Рим. Пройдя через незащищенные проходы в Апеннинских горах, кельты вторглись в земли этрусков. Варвары подвергли страну полному разорению, исходив её в поисках добычи вдоль и поперек, а затем неожиданно двинулись к югу и остановились около городка Клузий, находившегося всего в трех днях пути от Рима.

* * *

Страшная угроза нависла над городом. В Риме началась самая настоящая паника, о чем сохранилось красноречивое свидетельство Плутарха: *«Обычно избегающие всего варварского и чужестранного и в своих суждениях о богах следующие, насколько это возможно, греческой умеренности, римляне тут, когда вспыхнула эта война, вынуждены были покориться неким прорицаниям в Сивиллиных книгах и на Бычьем рынке зарыли живьем в землю двоих греков – мужчину и женщину – и двоих галлов – тоже мужчину и женщину; по этой причине и до сих пор совершаются в ноябре тайные священнодействия, видеть которые грекам и галлам воспрещено»* (Marcell. 3).

В это время претор, командующий войсками в Этрурии и до поры до времени спокойно наблюдавший за действиями галлов, неожиданно проявил активность, выступив против кельтов. Несмотря на то, что до конечной цели их похода было рукой подать, Конколитан и Анероест решили сначала разбить претора, а затем атаковать Рим. Развернув свое воинство, вожди устремились на врага. Но когда враждующие армии обнаружили друг друга, день уже клонился к вечеру. Ни претор, ни Конколитан с Анероестом не рискнули начинать сражение в наступающей темноте, а благоразумно стали располагаться на ночлег, несмотря на то, что противников разделяло небольшое расстояние.

Вожди галлов смотрели на мерцающие в ночи огни костров вражеского лагеря и обсуждали план предстоящего сражения. Они знали, что противостоять им будут на поле боя не прославленные римские легионы, а войска этрусков и сабинов, что значительно облегчало боевую задачу. Посовещавшись, Конколитан и Анероест решили обмануть противника и одержать победу малой кровью. Оставив в лагере только конницу, вожди увели всю пехоту по направлению к городу Фезулы. Пока всадники слонялись среди костров, подбрасывая в огонь хворост и

создавая у претора иллюзию присутствия всей армии галлов, пешие воины укрылись в засаде. Ловушка была готова.

На рассвете претор с удивлением обнаружил, что огромная вражеская армия исчезла, а его войскам противостоит только галльская конница. Римлянин заглотил наживку и выдал желаемое за действительное, поскольку решил, что враг в панике убегает. А раз так, то его надо преследовать. Пение боевых труб разбудило итальянцев; наскоро перекусив у затухающих костров, воины стали строиться в походную колонну. Галльские наездники долго кружили вокруг лагеря, а когда увидели, что вражеское войско его покидает, поспешно умчались к своим товарищам. После этого вся конница кельтов развернулась и стала уходить к Фезоле. Увидев отступление противника, претор приказал своим воинам ускорить шаг. Ему и в голову не приходило, что он ведет свои войска в западню.

А галлы выжидали. Конколитан стоял на боевой колеснице, прикрыв рукой глаза от палящих лучей солнца, вождь смотрел на дорогу, где должна была появиться галльская кавалерия. Вскоре ему стало скучно, и Конколитан потребовал кувшин с вином. Рядом гарцевал на коне Анероест. Он радовался грядущей битве, похлопывал по шее рвущегося вперед скакуна и весело переговаривался со своими телохранителями. Тысячи кельтов укрылись в оврагах, впадинах, густом кустарнике и среди деревьев в ожидании сигнала, чтобы броситься на врага. Но пока всё было тихо.

Внезапно земля загудела от гула тысяч копыт быстро мчавшихся лошадей. Сообразив, что это возвращается конница, Конколитан отбросил в сторону кувшин и приказал изготовиться к битве. Вскоре показались первые всадники. Постепенно их становилось всё больше и больше, они скапливались большой плотной массой, и тогда командиры стали разводить воинов по обе стороны дороги.

В это время конные разведчики доложили претору о том, что враг прекратил бегство и изготовился к сражению. Тогда римлянин распорядился, чтобы войска по ходу марша перестроились из походного строя в боевой порядок и продолжили движение навстречу врагу. Впереди показались плотные ряды галльской кавалерии, и претор приказал трубить атаку. Этруски и сабины прикрывались большими щитами и устремились вперед, постепенно ускоряя шаг. Увидев, что противник перешел в наступление, Анероест поднял над головой меч, и воздух взорвался от громового рёва боевых труб галлов. Воинственный клич кельтов прокатился по окрестностям, и тысячи галлов со всех сторон ринулись на римскую армию. Потрясая копьем, Конколитан вел в атаку боевые колесницы, за Анероестом устремились на битву галльские всадники.

Бой был ожесточенным. Галлы с разбега вломились во вражеские ряды и стали безжалостно рубить мечами воинов противника. Тяжелые колесницы кельтов врывались прямо в боевые порядки итальянцев, давя людей десятками и внося сумятицу в ряды сражающихся. Галльская конница во главе с Анероестом ударила прямо в лоб сабинам и опрокинула центр боевого построения вражеской армии. Тщетно претор пытался собрать свои рассыпавшиеся войска: галлы продолжали напирать, сметая со своего пути всё и вся. Сабины и этруски оглохли от дикого боевого клича варваров. К тому же начали сказываться численный перевес кельтов и их колоссальное преимущество в коннице. Не выдержав бешеного вражеского натиска, итальянцы обратились в бегство.

Галлы недолго преследовали разбитого врага, поскольку их конница была утомлена быстрыми переходами и стремительными атаками. Это и позволило претору остановить своё разбегающееся войско и более-менее восстановить порядок среди насмерть перепуганных бойцов. Тем не менее итальянцы, как и галлы, были обессилены стремительным маршем и последовавшей за ним битвой. О дальнейшем отступлении не было и речи, поэтому претор стал подыскивать место, где можно было разбить лагерь. Заметив возвышавшийся невдалеке большой холм, он отвел туда свой потрепанное воинство и распорядился возводить укрепления.

В этом сражении итальянцы потеряли не менее шести тысяч убитыми (Polyb. II, 25), часть воинов разбежалась, но основное ядро армии претору удалось сохранить. Другое дело, что после понесенного поражения боевой дух этрусков и сабинов был на самом низком уровне. Конколитан и Анероест очень грамотно использовали как численное преимущество своих войск, так и ошибки противника. По свидетельству Полибия, в их распоряжении перед битвой было 50 000 пехоты, 20 000 конницы и колесниц (II, 23), в то время как у претора было под началом *«сабинов и тирренов до четырех тысяч конницы и больше пятидесяти тысяч пехоты»* (Polyb. II, 24). В коннице у кельтов перевес был подавляющий, чем их военачальники и воспользовались. Если бы не усталость галльских воинов, Конколитан и Анероест никогда бы не позволили разбитому противнику покинуть поле боя.

Но галлы не думали отставать в покое недобитого врага и медленно двинулись вперед. К своему удивлению, они обнаружили, что противник находится неподалеку и укрепляется на холме. Конколитан с Анероестом решили окружить холм плотным кольцом дозоров, а остальной войску дать столь необходимый отдых. И только на следующий день нанести последний удар по противнику. Кельты ликовали, им оставалось только добить случайно избежавшего полного уничтожения врага. Совсем иные настроения царили в стане претора. Сгущались вечерние сумерки, римский военачальник глядел с высоты холма на море галльских костров, со всех сторон окружающих лагерь итальянцев, и понимал, что попал в новую ловушку. Спасти горе-стратега могло только чудо.

И оно произошло. Консул Эмилий Пап, узнав о вторжении галлов в Этрурию, быстро сориентировался в обстановке и поспешил на выручку претору, поскольку понимал, что сабины и этруски не устоят против кельтов. От разгрома спасти товарищей по оружию не успел, зато спас от окончательного уничтожения. Когда осажденные на холме итальянцы увидели вдалеке огни римского лагеря, то поняли, что на помощь пришли консульские легионы. Претор отправил к консулу нескольких лазутчиков, приказав им доложить Эмилию Папу о положении дел и договориться о дальнейшей координации действий. Благополучно проскользнув мимо сторожевых постов кельтов, посланцы добрались до римского лагеря и обрисовали консулу сложившуюся ситуацию.

Приход новой вражеской армии был замечен и кельтами. На военном совете Анероест предложил в бой не вступать, уйти от Фезул и вернуться в долину реки Пад. Свое мнение он обосновал тем, что галлы захватили огромную добычу, войско отягощено трофеями, лишено свободы маневра, а потому, пока не поздно, лучше уйти из Этрурии. А после того, как добыча будет доставлена домой, можно будет повторить поход на Рим. Присутствующие согласились с мнением Анероеста, и на рассвете войско галлов покинуло лагерь, двинувшись вдоль побережья Тирренского моря на северо-запад. Следом тянулся огромный обоз, набитый трофеями.

С первыми лучами солнца перешел к активным действиям и Эмилий Пап. Приказав трибунам вести пехоту, сам консул во главе кавалерии отправился к злополучному холму, где сидел в осаде несчастный претор. С удивлением обнаружив, что галлы ушли, Эмилий дождался подхода пехоты, присоединил к своей армии наиболее боеспособные части из войска претора и выступил следом за кельтами. В прямой бой он до поры до времени вступать не хотел и поэтому просто двигался вслед за врагом, выжидая удобный момент для атаки. Так они и шли вдоль берега моря – впереди галлы, а за ними римская армия.

Не исключено, что кельты так бы и ушли безнаказанно из Этрурии, но в дело вмешался его величество случай. Именно в это время в Пизе высадился с армией второй консул Гай Атилий Регул и форсированным маршем повел свои войска на юг, к Риму, двигаясь прямо навстречу галлам. Но об этом не знали ни сам Регул, ни Анероест с Конколитаном, ни Эмилий Пап. Всё происходило спонтанно и как бы само по себе, ни о каком стратегическом плане со стороны римлян даже речи не было. И в этот момент удача улыбнулась квиритам.

Разведчики из передового отряда Регул захватили в плен нескольких кельтов, собиравших продовольствие по окрестным деревням, и доставили к консулу. На допросе пленники рассказали, что войско галлов находится совсем рядом, а следом за ним идет армия Эмилия Папа. Регул был очень удивлен таким поворотом событий и стал думать, что можно предпринять в сложившейся ситуации.

На первый взгляд, для римлян всё складывалось удачно, поскольку галльское войско неожиданно оказалось зажатым на узком пространстве между длинными грядами холмов, тянувшихся параллельно друг другу. С фронта кельтам угрожал Атилий Регул, с тыла – Эмилий Пап. Но при этом каждая консульская армия по отдельности численно уступала противнику, а Пап даже понятия не имел, что впереди находится армия его «коллеги по должности». Регул мог рассчитывать только на милость богов и храбрость легионеров. Тем не менее консул не собирался отсиживаться в обороне. Осмотрев местность, он пришел к выводу, что есть смысл захватить высокий холм, возвышавшийся над дорогой, по которой пойдут галлы. Приказав командирам пехоты вести следом легионы, Регул лично повел вперед конницу и занял возвышенность. И тем самым спровоцировал кельтов на сражение.

Конколитан и Анероест были очень удивлены, когда разведчики доложили им о том, что впереди на холме расположилась римская кавалерия. Вожди пришли к выводу о том, что это Эмилий Пап с конницей обошел галльское войско с фланга и занял выгодную позицию, перекрыв кельтам пути отступления. Решив выбить противника с холма, предводители галлов отправили вперед всю кавалерию и легковооруженные войска. Завязались яростные схватки, во время которых кельтам удалось взять в плен римского воина. От него Анероест с Конколитаном и узнали о том, что впереди находится не кавалерия Эмилия Папа, а армия Атилия Регула, что в корне меняло ситуацию на поле боя. Впрочем, шум битвы у холма был услышан и в стане Луция Эмилия. Консул сообразил, что это могут быть только легионы Регула, и поэтому отправил на помощь коллеге всю свою конницу. Всадники должны были обойти линию холмов и присоединиться к войскам Гая Атилия. Пока римские кавалеристы осуществляла этот маневр, Эмилий Пап построил пехоту в боевые порядки и начал наступление на кельтов.

Но галлы не испугались и не впали в панику, наоборот, все их дальнейшие действия были продуманы и взвешены. Конколитан и Анероест разделили войско на две равные половины: одна часть развернулась фронтом против армии Эмилия Папа, другая – против легионов Атилия Регула. План кельтов был прост: пока Анероест сдерживает наступление Эмилия, Конколитан стремительной атакой разгромит армию Регула, после чего придет на помощь товарищу. В этом случае поражение римлян было неминуемо. Против легионов Папа встали отряды гексатов и инсубров, против Гая Атилия – бойи и тавриски. Фланги боевых порядков вожди усилили колесницами, поскольку кавалерия уже вела бой с конницей Регула.

Войско галлов являло грозное и устрашающее зрелище. Похваляясь своей храбростью, гексаты сбросили одежду и стояли перед противником в чем мать родила, сверкая золотом ожерелий и ручных браслетов. Инсубры, бойи и тавриски, наоборот, остались в плащах и штанах. Боевые песни и победные крики кельтов, рев карнаксов и свист свирелей заглушали голоса римских командиров, отдающих приказы легионерам. Галлы весело скалились, показывая пальцами на римлян, били мечами о щиты и выкрикивали разнообразные оскорбления в адрес врага.

А на холме и в его окрестностях бушевало кавалерийское сражение. Большие массы конницы перемещались вдоль дороги, галлы наступали, римляне оборонялись, и на первый взгляд трудно было понять, кому из противников сопутствует успех. Но со временем стало очевидно, что кельты берут вверх и постепенно вытесняют римлян с занимаемых позиций. В этот критический момент Регул, наблюдавший с холма за сражением, решил принять участие в битве и личным примером вдохновить квиритов на подвиги во имя Рима. Консул выхватил из ножен меч и погнал коня в гущу боя. Вокруг Гая Атилия сразу же разгорелась яростная схватка,

поскольку галлы стремились любой ценой убить вражеского полководца, а римляне хотели защитить своего консула. Регул рубил мечом направо и налево, отбиваясь от наседавших галльских всадников. Однако враги взяли его в кольцо и свалили на землю ударами копий. Кельты с победными криками устремились к поверженному вражескому военачальнику, быстро отрубили ему голову, и вскоре торжествующий галл мчался по полю боя, размахивая своим ценным трофеем. Воин резко осадил коня перед колесницей Конколитана и бросил в пыль голову римского консула. Вождь насадил её на копье, высоко вскинул руку и прокричал победный клич. После чего возглавил атаку боевых колесниц, приказав вознице править прямо на римские ряды.

Квириды после гибели консула не впали в уныние, а, наоборот, стали сражаться ещё ожесточеннее. Римские всадники опрокинули галльскую кавалерию и прогнали её с поля боя, после чего сосредоточились на холме, освободив место для атаки легионов. Галлы также двинули вперёд пехоту, намереваясь первым же натиском опрокинуть вражеские ряды. Битва вступила в решающую фазу.

Эмилий Пап понятия не имел о том, что творится у Атилия Регула, и действовал по своему усмотрению. Пока легионеры мерным шагом приближались к противнику, вперёд выбежали велиты и забросали галлов метательными копьями. И вот здесь бахвальство гексатов обернулось против них самих. Оставшись без одежды и снаряжения, они оказались совершенно беззащитны под градом римских копий. Щиты не могли прикрыть обнаженные тела рослых гексатов, и галлы стали нести большие потери. Множество бойцов было ранено. Истекающие кровью кельты опускались на траву или же уходили в тыл, где перевязывали свои раны. В отчаянии галлы бросались на велитов и пытались вступить с ним в рукопашную схватку, но быстрые на ногу воины отходили под прикрытие наступающей тяжеловооруженной пехоты, а затем снова шли в атаку. Кельты изнемогали под натиском велитов, но продолжали стоять на месте. Когда же приблизились легионы, Анероест взмахнул мечом, грянул боевой клич, и волна галлов покатилась на римские шеренги. Легионеры метнули пилумы в наступающих варваров, выхватили из ножен мечи и устремились навстречу противнику.

Битва была долгой и упорной. Гексаты и инсубры дружно ударили по римлянам, смяли первые ряды и начали наращивать натиск, прорубаясь сквозь центр вражеских боевых порядков. Галлы искусно бились большими мечами, они шли вперед, презирая смерть. Легионеры укрывались за большими щитами и еле успевали отражать градом сыпавшиеся на них удары, тщетно пытаясь остановить этот бешеный натиск. Не менее храбро бились бойи и тавриски, пытаясь разбить боевые порядки армии Регула. Но галлы не смогли смять легионы первым натиском, а римляне не сумели сбить кельтов с их позиций.

Исход сражения решила атака римской кавалерии, которая последовала с холма на бойев и таврисков. Всадники в буквальном смысле слова смяли правое крыло отряда Конколитана, а затем разгромили воинов, сражающихся в центре. Конколитан был сбит легионерами с колесницы и захвачен в плен, после чего вся масса кельтов обратилась в бегство. Но бежать им было некуда, поскольку бой происходил на узком пространстве, а впереди гексаты и инсубры сражались с легионами Эмилия Папа. Бойи и тавриски остановились и снова вступили в бой с римлянами.

Побоище продолжалось до самого вечера, вся галльская пехота погибла на поле боя. Спаслись лишь немногие всадники, бежавшие после разгрома кавалерии, да Анероест с группой телохранителей. Беглецы укрылись в холмах, но гордому вождю была нестерпима сама мысль о поражении, и он покончил с собой. Вместе с ним лишили себя жизни и остальные воины.

Битва при Теламоне ознаменовалась невиданным разгромом галлов. По свидетельству Полибия, было убито до 40 000 кельтов, а 10 000 взято в плен (II, 31). В их числе оказался и один из вождей, Конколитан. О потерях римлян сообщает Павел Орозий, обозначив их в 3000 чело-

век (IV, 13, 11). Главным преимуществом квиритов над врагом было их вооружение, оно оказалось лучшее чем у противника. На этот факт в свое время обращал внимание легендарный Марк Фурий Камилл: *«У нас приготовлено оружие лучшие, чем у варваров, – панцири, шлемы, поножи, крепкие щиты, благодаря чему мы защищаем все тело, а также обоюдоострые мечи и вместо копья дротик, метательный снаряд, от которого не скроешься, – одно оружие оборонительное, такое, что нелегко поддастся ударам, а другое наступательное, что пробьет любую защиту. У тех же головы обнажены, и обнажены грудь и бока, обнажены также бедра и голени вплоть до ступней, и никакой другой защиты, кроме щитов, а наступательное оружие – копья и очень длинные рубящие клинки»* (Dion. Hal. XIV, IX). К моменту битвы при Теламоне практически ничего не изменилось, за исключением того, что мечи у галлов стали длиннее.

После победы Эмилий Пап повел легионы в земли бойев и подверг их полному разорению. Захватив огромное количество трофеев, консул вернулся в Рим и отпраздновал заслуженный триумф. Главным итогом битвы при Теламоне было то, что квириты решили завоевать земли Цизальпинской Галлии: *«одержав эту победу, римляне возымели надежду совершенно вытеснить кельтов из области реки Пада»* (Polyb. II, 31). В следующем, 224 г. до н. э. консулы Тит Манлий Торкват и Квинт Фульвий Флакк вновь повели армию против бойев и без битвы принудили их признать над собой власть Рима. На этом успехи консулов закончились, поскольку резко испортилась погода, начались затяжные дожди, а в армии вспыхнула эпидемия чумы. Правда, Орозий пишет о том, что произошло большое сражение с инсубрами, в котором погибли 23 000 галлов, а 6000 попали в плен. Трудно сказать, насколько данный факт соответствует действительности в свете грядущих событий, поскольку свидетельство Тита Ливия о том, что *«Римские войска впервые переходят реку По и в нескольких сражениях разбивают галлов-инсубров, принудив их к сдаче»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.